

Родина Елена Анатольевна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, предпринимательское право, семейное право

Правовые аспекты «суррогатного материнства» и иных форм репродуктивной деятельности

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современного состояния правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в Российской Федерации. Особое внимание уделяется институту суррогатного материнства, претерпевшему существенные законодательные изменения. Исследуются вопросы коллизии норм семейного и гражданского законодательства, статус генетических родителей и суррогатной матери, а также правовые ограничения, наложенные на иностранных граждан. Проанализированы проблемы определения правового режима эмбрионов при криоконсервации и вопросы постмортальной репродукции. Сделан вывод о тенденции к ужесточению государственного контроля в данной сфере и смещению вектора от либеральной модели к консервативно-охранительной.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, семейное право, Федеральный закон № 323-ФЗ, генетические родители, права ребенка, репродуктивная деятельность.

Стремительное развитие биомедицинских технологий в XXI веке поставило перед российским законодателем сложные задачи по правовой регламентации сферы ВРТ. Репродуктивная деятельность, выходящая за рамки естественных биологических процессов, перестала быть исключительно медицинской процедурой и трансформировалась в сложный комплекс правоотношений, затрагивающих конституционные права граждан, институты семьи и брака, а также вопросы

национальной безопасности. Актуальность исследования нормативно-правовой базы, регулирующей суррогатное материнство и иные методы ВРТ, обусловлена не только демографическими вызовами, стоящими перед Российской Федерацией, но и фундаментальными изменениями законодательства, произошедшими в последние годы, которые кардинально изменили ландшафт репродуктивного права в стране.

Основополагающим нормативным актом, регулирующим медицинскую составляющую вопроса, является Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данный закон закрепляет легальное определение суррогатного материнства как вынашивания и рождения ребенка по договору, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. При этом правоприменительная практика и доктрина семейного права постоянно сталкиваются с проблемами, выходящими за пределы медицинской терминологии. Центральной правовой проблемой остается дуализм природы договора о суррогатном материнстве. С одной стороны, он обладает признаками гражданско-правового договора возмездного оказания услуг, где предметом выступают действия исполнителя по вынашиванию плода. С другой стороны, результат этого договора лежит в плоскости семейного права и касается личных неимущественных прав – происхождения ребенка и родительских прав, что делает невозможным применение к нему классических схем ответственности за неисполнение обязательств, принятых в гражданском обороте [1, с. 1969].

Существенным аспектом, вызывающим длительные дискуссии в юридическом сообществе, является приоритет прав суррогатной матери, закрепленный в Семейном кодексе Российской Федерации. Согласно действующему законодательству, лица, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей его. Данная норма создает ситуацию правовой неопределенности для генетических родителей, которые, фактически являясь биологическими создателями ребенка и заказчиками

репродуктивной программы, до момента подписания согласия суррогатной матерью в родильном доме не обладают в отношении новорожденного никакими юридическими правами. Это положение закона создает почву для злоупотреблений, шантажа и эмоционального давления, превращая ребенка в инструмент манипуляции. Несмотря на многочисленные предложения экспертов скорректировать данную норму в сторону автоматического признания родительских прав за генетическими родителями при наличии договора, законодатель сохраняет традиционный подход, базирующийся на принципе презумпции материнства женщины, родившей ребенка [4, с. 50].

Кардинальным поворотом в правовом регулировании репродуктивной деятельности стало принятие в декабре 2022 года поправок, запрещающих использование услуг суррогатных матерей в Российской Федерации для иностранных граждан и лиц без гражданства. Ранее Российская Федерация была одним из мировых центров репродуктивного туризма благодаря либеральному законодательству и высокому качеству медицинских услуг. Однако новый закон ограничил круг лиц, имеющих право воспользоваться данной технологией, исключительно гражданами Российской Федерации, состоящими в браке, или одинокими женщинами – гражданками Российской Федерации. Это решение было мотивировано необходимостью защиты интересов детей, предотвращения их вывоза за рубеж и попадания в ситуации, угрожающие их жизни и здоровью, а также общим курсом на укрепление традиционных ценностей. Важным нюансом стало требование об обязательном наличии генетической связи ребенка с обоими супругами или с одинокой женщиной, что исключило возможность использования донорских ооцитов в сочетании с донорской спермой в программах суррогатного материнства. Теперь ребенок, рожденный суррогатной матерью, должен быть генетически родным для своих предполагаемых родителей, что существенно сузило возможности применения данного метода для пар с тяжелыми формами бесплодия [5, с. 160].

Помимо суррогатного материнства, значительный пласт правовых проблем вызывает регулирование иных форм репродуктивной деятельности, в частности экстракорпорального оплодотворения с использованием криоконсервированных

эмбрионов. Главным пробелом в законодательстве остается неопределенный правовой статус эмбриона «in vitro». Российское право не признает эмбрион субъектом права, то есть человеком, но и полная идентификация его как вещи (объекта права собственности) вызывает этические и юридические противоречия. При этом судебная практика сталкивается с серьезными трудностями при разрешении споров о судьбе замороженных эмбрионов в случае развода супругов. Суды вынуждены руководствоваться условиями договоров с клиниками ВРТ, которые не всегда детально прописывают сценарии расторжения брака. Отсутствие четкого законодательного определения эмбриона как особого объекта правовой охраны приводит к тому, что вопросы его утилизации, передачи другой паре или использования в научных целях решаются фрагментарно и часто зависят от усмотрения конкретного судьи [3, с. 73].

Особую сложность представляют вопросы постмортальной репродукции, когда использование половых клеток или эмбрионов происходит после смерти одного из супругов. Законодательство Российской Федерации не содержит прямого запрета на постмортальное оплодотворение, однако отсутствие четкого механизма установления отцовства в таких случаях создает правовой вакуум. Практика показывает, что даже при наличии прижизненного согласия умершего супруга на использование его биоматериала, органы ЗАГС часто отказывают в регистрации отцовства, вынуждая вдову обращаться в суд. Суды же при вынесении решений вынуждены оперировать общими принципами права и аналогией закона, что не способствует единообразию правоприменения. Ключевой проблемой здесь является также вопрос наследственных прав детей, зачатых и рожденных спустя длительное время после смерти наследодателя. Действующий Гражданский кодекс РФ связывает возникновение наследственных прав с фактом зачатия при жизни наследодателя, что формально исключает детей, появившихся в результате программ постмортальной репродукции, из круга наследников, нарушая тем самым принцип равенства прав детей независимо от обстоятельств их рождения [1, с. 1970].

Также следует отметить правовую коллизию в вопросе доступа к ВРТ для одиноких мужчин. Формально закон не содержит прямого запрета, однако

формулировки Федерального закона № 323-ФЗ говорят о праве на применение ВРТ «мужчины и женщины, как состоящих, так и не состоящих в браке», а также «одиноким женщиной». Одинокие мужчины в этом перечне эксплицитно не упомянуты, что на практике приводило к отказам в проведении программ суррогатного материнства и последующим длительным судебным разбирательствам. Конституционный Суд РФ в своих определениях указывал на недопустимость дискриминации по половому признаку, однако фактическая реализация репродуктивных прав одиноких мужчин остается затруднительной, особенно в свете последних законодательных инициатив, направленных на укрепление традиционной модели семьи. Это демонстрирует существующее напряжение между конституционным принципом равенства прав и свобод человека и гражданина и текущим вектором государственной семейной политики [2, с. 216].

Важным аспектом правового регулирования является также институт донорства половых клеток. Законодательство предусматривает анонимность донора, однако развитие генетических технологий и доступность ДНК-тестирования делают сохранение этой тайны все более проблематичным. Возникает конфликт между правом донора на анонимность и правом ребенка знать свое происхождение. В настоящее время российский закон стоит на стороне защиты тайны донорства и интересов реципиентов, однако международный опыт показывает тенденцию к раскрытию информации о биологическом происхождении, что в будущем может потребовать пересмотра отечественных норм. Отсутствие единого федерального регистра доноров и реципиентов также создает риски непреднамеренного инцеста в будущем и затрудняет контроль за количеством рождений от одного донора, что имеет важное значение для генетического здоровья популяции [4, с. 50].

Говоря о коммерциализации репродуктивной сферы, необходимо признать, что Российская Федерация идет по пути легализации платного суррогатного материнства, в отличие от многих европейских стран, где разрешен только альтруистический вариант. Закон не устанавливает верхних или нижних границ вознаграждения суррогатной матери, оставляя этот вопрос на усмотрение сторон договора. Правоведы указывают на необходимость введения более жестких критериев отбора суррогатных

матерей и психологического сопровождения всех участников программы. Так как текущие нормы фокусируются преимущественно на соматическом здоровье женщины, игнорируя психологические риски, которые могут привести к отказу от передачи ребенка или, наоборот, к отказу генетических родителей забирать ребенка в случае рождения его с патологиями [6, с. 111].

Подводя итог анализу правовых аспектов суррогатного материнства и иных форм репродуктивной деятельности, следует констатировать, что российское законодательство находится в стадии активной трансформации. Переход от предельно либеральной модели 2010-х годов к более строгой, регламентированной и национально-ориентированной модели 2020-х обусловлен стремлением государства взять под контроль демографические процессы и исключить возможность использования репродуктивных технологий в схемах, противоречащих публичному порядку. Вместе с тем сохраняется ряд нерешенных правовых проблем, требующих законодательного вмешательства.

Дальнейшее развитие правового регулирования должно идти по пути баланса между интересами государства, этическими нормами и правами граждан на продолжение рода, обеспечивая при этом приоритетную защиту интересов ребенка как слабой стороны в данных правоотношениях. Гармонизация норм Семейного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и законодательства об охране здоровья является необходимой предпосылкой для создания стабильной и предсказуемой правовой среды в сфере репродуктивных технологий.

Список литературы

1. Барагунова А.З. Трансграничное и коммерческое суррогатное материнство: этико-правовой аспект на примере России и Индии // Научный аспект. 2024. Т. 16, № 6. С. 1969-1972.

2. Егощенкова А.Ю. Правовые и моральные аспекты регулирования института суррогатного материнства / Научный альманах «В зеркале права»: Сборник научных трудов. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 215-219.

3. Леонова В.В. Проблемные аспекты, связанные с нормативно-правовым регулированием суррогатного материнства на территории Российской Федерации // Научный Лидер. 2024. № 44(194). С. 72-76.

4. Логачева Н.В. Соблюдение и защита прав детей, рожденных в результате суррогатного материнства: международно-правовые аспекты / Право и биомедицина: перспективы взаимодействия в условиях инновационных преобразований: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 15 мая 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. С. 49-54.

5. Марухно В.М., Боженкина С.А. Правовые аспекты суррогатного материнства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 159-164.

6. Никулина А.В. Проблемные аспекты правового регулирования суррогатного материнства в России / Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Материалы двадцать второй международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. С. 111-112.